

Берестовская Д.С., Буряк В.В.

Рецензия на книгу Шоркина А.Д. "Схемы универсумов в истории культуры (опыт структурной культурологии)" — Симферополь, 1996, — 214 с.

Автор в духе традиции Гуссерля и Фуко, является сторонником гипотезы дисконтинуальной истории и культуры. Такой подход зачастую непривычен для многих философов, культурологов, историков, привыкших к концептам "всемирной истории", "мировой культуры", "культурно-исторического процесса" и иным понятиям, основанным на идеях тотального детерминизма, понятого в качестве социального, исторического, культурного "порядка вещей". Парадигма целостности, жесткой взаимозависимости, причинно-следственной связи "базиса" и "надстройки", экономической детерминации культуры, присущая марксистской теории, не позволяет выявить принципиальную новизну и своеобразие как отдельных культур, так и отдельных временных, диахорных культурных страт.

Автор, благодаря оригинальной методологии, в основе которой лежит синтез идей синергетики, структурного анализа (Леви-Стратос), постструктуралистской стратегии (М. Фуко), семиотики (Р. Барт) предлагает четко обозначенную теорию, центральным концептом которой являются "схемы универсума". Специфицировать ту или иную культуру, следовательно, означает соотнести ее с определенной схемой универсума (СУ) [с. 8].

Несмотря на некоторую преемственность данной работы с традициями "парадигмального анализа" истории науки Т. Куна, "эпистемически-дискурсивного" анализа культуры М. Фуко, автор предлагает новый подход в плане конструирования и функционирования культурных миров, опираясь на поразительно широкую эрудицию фактически во всех областях знания: методологии науки, философии, истории, эстетики, техники и технологии. Этот богатейший фактографический материал позволяет доказательно и аргументировано утвердить концепцию (СУ) в поле культурологического исследования. От работ Т. Куна ("Структура научных революций") и М. Фуко ("Слова и вещи. Археология гуманитарного знания") работу автора выгодно отличает то, что он подверг анализу культурное бытие европейской цивилизации от самых ее исторических основ (от мифо-эпического времени) и довел свое исследование до современного состояния культуры. Т. Кун и М. Фуко ограничились же более коротким промежутком в несколько веков (Новое время — Современность у Куна; Возрождение — Новое время — Современность у Фуко), и объектом их исследования была по сути лишь классическая рациональность. В "Схемах универсумов в истории культуры" концептуально оказалось "перекрыты" фактически все культурное поле "человека исторического" от "Восхода до Заката".

Нужно сказать, что современная отечественная культурология в целом еще носит описательный, феноменальный характер. Предпочтение отдается зачастую вторичному, репродуктивному анализу существующих теорий, цитациям, фактологии. Это симптом времени, поскольку уже с середины прошлого века универсальные концепции истории и культуры в стиле Гегеля стали подвергаться жесткой критике за "эволюционизм", "панлогизм", "детерминизм". Тем же недостатком был в марксистской теории культуры экономический детерминизм.

В отсутствии идеологического контроля и материалистического монизма на всем постсоветском пространстве надолго возникла пауза в ожидании новой концептуализации культуры и истории. И данная работа оказалась по существу первым оригинальным концептуальным, немарксистским трудом по культурологии на территории бывшего СССР. Это достаточно громкий и ясный голос среди замерших в молчаливом философском ожидании "ягнят" постперестроечной поры.

Работу характеризует прозрачность логических конструкций, методологическая последовательность и единство стиля изложения несмотря на постоянное и виртуозное оперирование артефактами из различных, порой диаметрально-противоположных областей (математика, физика, эстетика, миф). Чуждый догматизма стиль исследования не замыкается на жестоких интеллектуальных конструкциях, "подминая" или "устраняя" неугодные факты. Интеллектуально-интеллигентная манера автора ставить проблемы, будить мысль, а не выдавать готовые рецепты и "бесплатные советы" импонирует и заставляет думать, а подчас и спорить с автором.

Отправная точка исследования лишь начало бесконечного (но не бесперспективного) пути), поскольку "эскизы схем универсумов и их трансформаций отнюдь не безусловны и открыты для дальнейших уточнений." [с. 11]. Такая открытость обуславливает и определенный ритм чтения текста — возвращение к прочитанному, вовлеченность в постоянный диалог с автором.

Философия, как и наука в целом, чужда эзотеризма: они существуют и достигают высот познания в силу своей открытости, критикуемости, рефлексивности без оглядки на авторитеты, принципиальной "фальсифицируемости" (К. Поппер). Именно поэтому одной из главных своих

целей автор видит инициирование поисковых стратегий дальнейшего уточнения строения схем универсумов культуры. "Не исчерпать предмет, а пробудить мысль: предложить, пусть пока несовершенный инструмент, с помощью которого некоторые важные проблемы проясняются, а другие, еще более захватывающие, могут быть корректно поставлены — такова сверхзадача предлагаемого читателю опыта структурной культурологии" [с. 11].

Проблематизируя стандартный подход к культуре как изначальному целому (организму, эволюционирующему "от простого к сложному") автор выявляет связность схем универсума в кажущейся калейдоскопичности потока культурно-исторических событий, полагая в то же время их уникальность и неповторимое своеобразие. Архетипы культур имманентны и просты, но сама типология культур определяется вовсе не на основе внешних характеристик или идеологической ангажированности. Однако "высказывания" о строении и типе культуры имеют важное методологическое значение для аналитики. "Схемы универсумов открывают пространства возможной в той или иной культуре речи — то есть способов, которыми человек способен мыслить, переживать и что-то говорить об универсуме". [с. 8].

Оригинальный опыт структурной культурологии ставит своей задачей обнаружение скрытых культурных оснований человеческого бытия в мире. В русле традиции исследования причин кризиса современной техногенной цивилизации (Ницше, Шпенглер, Хейзинга, Ясперс, Хайдеггер) автор уделяет значительное место (глава "Настоящее и грядущее") генезису и перспективам современной культуры с ее мозаичной структурой. Но постигнуть глубинные механизмы глобальных трансформаций можно лишь благодаря постижению сущности современного человека, являющего собой "причудливую двойственность трансцендентального и эмпирических условий бытия" [с. 190].

Ключом, позволяющим открыть "тайны" современной цивилизации, является по мнению автора "техника" в ее угрожающе-всепроницающей сущности. "Призрак" техники зловеще гипнотизирует человечество, готовое на все ради технологического прогресса, ради овладения природой. Люди забывают, что сами они лишь часть этой разрушаемой ими Природы. "Техника из одного из средств самореализации человека незаметно и жутко зачастую становится ее преимущественной целью, жизнь человека — придатком и частью машины" [с. 194]. Здесь невольно вспоминаются "тела без органов" и "машины желания" Делеза и Гваттари, "киборги" и "биороботы" американских кинотриллеров, что еще раз подчеркивает актуальность и перспективность анализа техногенной цивилизации.

Автор критически относится к заманчивой идее прогресса, сформировавшейся еще в "Век Разума", три столетия тому назад. Универсум модерна уже завершен; опираться лишь на ценность "прогрессивистской" рациональности едва ли прагматично. Но каковы те ценности, опираясь на которые можем спастись мы и те, кто идет за нами? Эта незавершенность "проекта модерна", погруженность в ускоряющуюся изменчивость [с. 200] для нас "таит в себе неисчислимы сюрпризы" [с. 201].

Справедливо суждение автора относительно большей чем когда бы то ни было ранее "открытости" современного культурного универсума как новациям так и традициям иных схем универсума. Именно в "Мифе" (глава "бытие как миф"), "Архе" (глава "В поисках архе"), "Символе" (глава "Символический универсум"), "Разуме" (глава "Рождение Номо faber") мы можем найти недостающие "сегменты" нашей культуры, и тем самым найти "точку опоры", "равновесие" наших поступков и отношения к технике и науке. Не превосходство, но "уважение к иным культурам, стремление ко взаимопониманию и бережное отношение к культурным новациям — таковы тривиальные, но отнюдь от этого не менее великие максимы, без которых не только занятия структурной культурологией, но и сама жизнь быстро утрачивает смысл". [с. 205]. Нельзя не согласиться с этим культурно-экзистенциальным тезисом А.Д. Шоркина, завершающим его интересную книгу.

Пожелаем автору дальнейших творческих свершений и побед.